

И.С.Яжборовская ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО В ПОСЛЕВОЕННОЙ ПОЛЬШЕ

¹ *Rocznik
Statystyczny 1995. W-wa,
1995. S. 69-70.*

² *Lizut M. Religia
nasza powszednia // Gazeta
Wyborcza. 10.01.2001.*

³ *Gowin J. Kosciol po
komunizmie. Krakow, 1995. S.
11.*

Польша вместе с США и Ирландией относится к числу стран с самой высокой религиозностью населения, а по удельному весу верующих она традиционно занимает первое место в Европе. В 1994 г. католики составляли около 95% населения этой страны, приверженцы других религий – около 3%, атеисты – лишь 2%¹. Согласно представленному 9 января 2001 г. в Польском епископате рапорту «Церковь и религиозность поляков в 1945-1999 гг.» верующими христианами считают себя 92,9% жителей Польши, атеистами – 2,3%². Даже если разница объясняется не статистической погрешностью, а отражает определенную тенденцию, масштаб и специфика этого явления заслуживают детального анализа.

Своеобразие польского исторического процесса связано с упорным многовековым отстаиванием польским народом национальной идентичности и этноконфессиональных основ, особенно после разделов страны конца XVIII в. и в годы Второй мировой войны, когда поляки испытывали мощное инонациональное и иноверческое давление, партийно-государственную идеологическую, атеистическую индоктринацию, сопровождаемую репрессиями церковной иерархии и верующих³. Отсюда и своеобразие взаимоотношений государства, церкви и общества в Польше, форм, темпов и методов секуляризации, ее приливов и отливов.

В 80-е годы высказывалось предположение, что высокая религиозность в Польше, связанная с преследованиями во времена фашизма и «реального социализма», пойдет на спад в период перехода этой страны на путь демократических реформ и рыночной экономики. Однако эта концепция подтверждения не получила, поскольку демократическая трансформация затронула и церковь, заставила ее решать новые задачи, выполнять конструктивные функции.

Собственно, уже в годы войны несшая существенные кадровые потери и материальный урон, но мощно укорененная в сознании нации католическая церковь встала на сложный, но эффективный путь внутреннего преобразования. Затем, опираясь на возросший за годы войны авторитет, она пыталась противодействовать левацким акциям властей, направленным на насильственную, ускоренную секуляризацию и атеизацию населения.

Конкордат с Ватиканом был отменен уже в 1945 г., государство присвоило себе право номинации церковных иерархов, контроля над церковной юрисдикцией, над подготовкой клира. Однако, несмотря на широкий спектр насильственных мер, попытки «освобождения»

польской общественной жизни от влияния религии и церкви существенных успехов не принесли. В то время как церкви соседних стран выживали с трудом, католическая иерархия Польши все более гибко, но неуклонно и последовательно, легально и нелегально отстаивала свой, как говорил кардинал Казароли, *modus vivendi* (в Венгрии речь шла о *modus vivendi vel moriendi*, в Чехословакии – о *modus moriendi*)⁴. Согласно выражению известного правозащитника А.Михника, «в Польше Церковь была суверенным государством в несuverенном государстве», там «человек чувствовал себя свободным»⁵. Тайные литургии, посвящения в ксендзы, верность церкви как главная добродетель, а доносительство в органы безопасности – как главный грех крепили узы духовенства и общества.

Когда послевоенное польское общество начало поддерживать новую власть, часть католического духовенства, рассчитывая на относительно спокойное существование, сменила свои ориентиры, отказалась от консервативно-охранительной идеологии и противодействия социальным реформам. Однако уже декрет 1949 г. о защите свободы совести и вероисповедания и последующие постановления политически были направлены против «вредоносной» деятельности церкви и верующих. В контексте общей репрессивной политики государства форсировалась секуляризация семейного права, права об актах гражданского состояния, административного, процессуального права и др. Ускорение «социалистических преобразований» в конце 40-х годов и ликвидация остатков политического плюрализма усилили преследования церкви. В 1953 г. был интернирован примаас кардинал С.Вышинский. На политической арене присутствие церкви надлежало заменить созданным под эгидой властей организациям так называемых «ксендзов-патриотов» и светских католиков, частично представленным в парламенте.

За десятилетия строительства «реального социализма» его теоретики, нередко преувеличивая наметившиеся тенденции, разработали концепцию, гласящую, что в Польше и само понятие религиозность, и религиозная культура верующих, становившаяся как бы «менее религиозной», более светской, стали меняться. Как отмечал религиовед Д.Танальский, «...в понятие лаицизации (секуляризации) теперь следует включить, помимо неверия или процессов отхода от веры, также явление «секуляризации» самой религии, то есть заметную в христианстве, в том числе в католицизме, гуманизацию позиций верующих (рост мировоззренческой, этической и обрядовой терпимости, определенное снижение зависимости верующих от авторитета церковных институтов и от священнослужителей, увеличение значимости человека перед обликом Бога, рост критицизма в отношении многих религиозных догм и «истин» и т.п.)». Он подчеркивал, что процесс этот связан с переоценкой значимости трудового вклада человека и отношения его к другим людям; авторитета внерелигиозной информации, самостоятельного, критичного светского знания,

⁴ *Świadeictwo Kościoła Katolickiego w systemie totalitarnym Europy Środkowo-Wschodniej. Księga Kongresu Teologicznego Europy Środkowo-Wschodniej. KUL 11-15 sierpnia 1991. Lublin. 1994. S. 253.*

⁵ *Czy Bóg uprawia politykę? Debata «Gazety Wyborczej» i dziennika «Le Monde»// Gazeta Wyborcza. 26.04.2002.*

⁶ *Tanalski D. Problem perspektyw katolicyzmu w socjalizmie // Religia i Kościół w społeczeństwie socjalistycznym: Materiały konferencji międzynarodowej. W-wa, 1984. S. 143-146.*

светской терпимости и морали, уважения к активной, творческой социальной позиции и т.д.⁶

Секуляризация общественной жизни предусматривала не превращение религии в частное дело граждан* не полную свободу отправления ими религиозного культа, а подчинение церкви государству, господство атеизма, а в итоге ликвидацию религии и церкви. Политика новой власти именно в этой области проявляла свой тоталитарный характер.

Свобода совести и вероисповедания записана в Конституции 1952 г. (ст. 82) и в Уголовном кодексе 1969 г., но в центре внимания законодателя были не права верующих, а религиозные идеи и церковные институты с точки зрения их соответствия интересам государства. Интерпретация законодательства в течение десятилетий сужала применимость соответствующей охранительной статьи Основного закона, увеличивая число ограничений и преследований, часто репрессивного характера. Обвинения в реакционности церкви, в проведении ею якобы антигосударственной политики, препятствия в исполнении служителями церкви своих обязанностей, обыски и аресты вели к обострению противостояния.

Церковная иерархия и особенно рядовые священники (число которых выросло по мере освоения присоединенных Северных и Западных земель) становились ближе к простому народу страны и по своему социальному происхождению и ориентирам, и по направленности служения, хотя это был сложный и мало заметный извне процесс. В нем более важную роль играло сопротивление тотальному захвату духовной жизни общества.

«Оттепель» и XX съезд КПСС, антитоталитарные, антисталинистские акции в Польше, возврат Вл.Гомулки на пост первого секретаря ЦК ПОРП, освобождение из тюрьмы и возвращение в Варшаву кардинала Вышиньского, который вновь стал во главе польской католической церкви, не внесли изменений в отношения церкви и государства. Власти избегали их правового урегулирования, преподавание религии в школе не возобновилось. В 1960 г. уроки катехизиса были официально отменены. В июне 1962 г. епископат опубликовал документ «Современная секуляризация», в котором четко разграничил естественный процесс обмирщения и управляемую сверху секуляризацию как «организованную деятельность, направленную на ускорение процесса обмирщения и на руководство этим процессом». Эта деятельность, как гласил текст, есть не что иное, как «политическое движение, ибо оно политически спланировано, руководимо политическими инстанциями, поддерживается и проводится в жизнь административными средствами... Это движение тоталитарное, ибо оно стремится подчинить своему влиянию любые проявления общественной, семейной и личной жизни и исключить из нее все суждения и оценки, основанные на религии. Это движение не оставляет свободы выбора»⁷.

⁷ *Цит. по: Михник А. Польский диалог: церковь-левые. Л., 1980. С.53.*

28 августа 1963 г. в послании «Польские епископы – польским священникам» говорилось о систематических репрессиях, дискриминации и нетерпимости, конфискации имущества, призыве в армию кандидатов в духовный сан, изгнании монахинь из больниц и лишении их возможности работать медсестрами, запретах для государственных чиновников на венчание и крещение детей, цензуре католических изданий и т.д. Такая политика, писали епископы, разлагает саму власть, она действует незаконно, растаптывая естественные права и личное достоинство людей, что аналогично гитлеровским преступлениям, осужденным на Нюрнбергском процессе. Католическое духовенство неоднократно отвергало обвинения во вмешательстве в государственные дела. В зачитанном в костелах документе «О послании епископам на тему тысячелетия» от 10 февраля 1966 г. заявлялось: «Мы не выступали от имени общества или нации в светском или политическом смысле. Ибо, хотя польский народ в подавляющем большинстве остается католическим и проявляет свою принадлежность к Церкви, несмотря на это, мы, епископы, не считаем себя политическими вождями нации. Наше призвание иное»⁸.

⁸ Там же. С. 69.

Жесткая политика государства приносила результаты. На 60-е годы пришелся самый значительный спад показателей религиозности населения: у взрослых она снизилась до 77-83%, у детей – до 51-78%, в студенческой среде составила около 50%⁹. Однако спад оказался одним из симптомов социального кризиса. В документе от 22 марта 1968 г. церковь высказалась о нарушении прав верующих: если «...как это имеет место в случае навязанной секуляризации, государственные власти включаются в борьбу на стороне материалистического мировоззрения, используя для его распространения административный аппарат и государственные механизмы, тогда мы вынуждены сказать: мы – против»¹⁰. События 1968 г. вызвали очередной кризис доверия к власти и стали своеобразным рубежом, остановившим и повернувшим вспять процесс секуляризации в Польше. Резко возросло число прихожан, службы стали проводиться на польском языке, увеличилось число крестин, все более массовый характер принимало паломничество. Появились новые религиозные движения и сообщества.

С конца 1970 г., с приходом к власти Э.Терека, началась политика лавирования, популизма и прагматизма в отношении государства к церкви. В 1971 г. католическая церковь получила в собственность недвижимость на Западных землях. Через три года были официально оформлены контакты с Ватиканом. Одновременно предпринимались попытки расколоть клир, привлечь его более послушных представителей налоговыми льготами, проводить с ними без согласования с епископом коллективные «инструктажи». Всячески чинились препятствия строительству храмов в районах новостроек интенсивно урбанизовавшейся страны. Правда, остановить их массовое самовольное возведение, как правило, не удавалось, поскольку любые санкции и штрафы перекрывались пожертвованиями. Вопреки соглашению

⁹ Grabowska M. *Religijność i Kościół w procesie transformacji w Polsce // Pierwsza dekada niepodległości: próba socjologicznej syntezy*. W-wa, 2001. S. 173.

¹⁰ Цит. по: Михник А. *Указ соч. С. 115.*

1950 г. семинаристов забирали в армию, но они получали льготы при переходе в светские учебные заведения.

¹¹ Там же.
С. 112, 113, 114.

Проводимую сверху «секуляризацию» кардинал Вышинский определил как одну из форм тоталитарного насилия – «чистку верующих», цензурирование и калечение национальной культуры путем ликвидации ее религиозных традиций, государственное насилие, направленное на уничтожение католических обычаев и насаждение новых¹¹. В 1976 г. католическая иерархия энергично противодействовала введению поправок тоталитарного свойства в Конституцию, в том числе приданию марксистско-ленинской идеологии статуса государственной. «Свентокшиские проповеди» кардинала Вышинского и письмо 59-ти о проекте поправок, среди подписавших которое были представители как не католической левой интеллигенции, так и католические священники, вынудили Терека пойти на уступки. Партийно-государственное руководство изменило или исключило ряд спорных поправок.

Кризис 1976 г., сопровождавшийся массовыми выступлениями рабочих, разгонами демонстраций и арестами, показал, что церковь, критикуя политику властей, выполняет демократическую функцию в духе принципов II Ватиканского собора и Декларации прав человека. Левая интеллигенция, ранее не признававшая ее роли в социальной жизни, вступила в диалог с верующими и церковной иерархией. В противостоянии тоталитаризму они начали взаимодействие. Левые поняли, что роль церкви не сводится к распространению «выдумок, предрассудков», «опиума для народа», что, перестав быть «инструментом в руках имущих классов», она несет гуманистические, прогрессивные идеи, становится одним из гарантов устойчивости национальной культуры и норм поведения.

Левая интеллигенция встала на защиту гражданских прав верующих. А.Михник признал в качестве сбалансированного принципа секуляризации как отделение церкви от государства, так и отделение государства от церкви, полноту гражданских прав.

Он обратил внимание на то, что выдвинутый левыми тезис о религии как «частном деле» тоталитарная пропаганда превращала в основу для отторжения религиозных ценностей от политических реалий, для обоснования требования отказа церкви от вмешательства в сферу политики. Подобное «отделение церкви от государства» на самом деле отделяло церковь от мира. «Тезис о том, что «религия – частное дело», имеет смысл лишь настолько, насколько он означает, что государственная власть никого не может принуждать и никому не может запретить исповедовать религию. Тогда из него не сделаешь вывода, что религия может вдохновлять только «частную» сферу человеческой жизни, что церковь обязана молчать, когда в общественной жизни нарушаются евангельские принципы. Именно так возникает всеобщее «двоемыслие» и исчезают нравственные нормы в политических отношениях»¹², утверждал польский правозащитник.

¹² Там же.
С. 178-179.

Взаимное отчуждение партийно-государственного аппарата и духовенства было преодолено в период кризиса, приведшего к социальной нестабильности в стране. 5 сентября 1976 г. Терек заявил в Мельце, что «существует широкое поле для плодотворного взаимодействия церкви и государства в реализации важных национальных целей... я вижу в этом взаимодействии большой смысл. Это, впрочем, не только моя личная позиция, это также позиция Политбюро нашей партии и позиция верховных властей нашего государства»¹³. Через несколько месяцев в дневнике вице-преьера Ю.Тейхмы появилась запись: «Политика ухода от конфликтов с церковью абсолютно правильна»¹⁴. Поскольку социальная база власти продолжала сокращаться, а церковь становилась все более влиятельной силой, 29 октября 1977 г. Терек впервые официально принял примаса, надеясь поднять свою популярность в глазах населения. Избрание в октябре 1978 г. польского кардинала К.Войтылы понтификом польское общество связывало с перспективами нормализации ситуации, увеличения взаимопонимания, надеждой на улучшение отношений между церковью и властями, между Польшей и Ватиканом¹⁵.

Ряд католических иерархов и особенно кардинал Вышинский вполне продуманно искали свое место в польской действительности, пропагандируя социальную доктрину, основанную на «социальной справедливости», «социальном равенстве», «благотатной функции труда» и т.д., что было развитием идей папской энциклики «*Laborem exercens*», новой трактовкой проблем собственности, социальной структуры, роли рабочего класса. Папа усилил осуждение Римско-католической церковью авторитарных, тоталитарных режимов, нарушающих права личности и общественных объединений¹⁶. Христианское понимание демократии, базирующееся на принципах правового государства, но не определяющее конкретный тип политического устройства и уважающее автономию политической системы – сохраняя за собой возможность влиять на нее, корректировать и совершенствовать реформы, – сделало церковь активным борцом за демократические преобразования и в регионе «реального социализма», и в других, в том числе Азии, Африке, Центральной и Латинской Америке. При этом Иоанн Павел II не забывал критиковать и церковные структуры за их косность и недемократичность, стимулировал их внутреннюю трансформацию, что сыграло немаловажную роль в эволюции польской церкви.

Папа призвал открыть двери храмов и стать «пространством свободы» для всех свободомыслящих, а не только верующих. Церковь нашла новые формы просветительской, развлекательной и иной деятельности (в том числе творческие встречи, концерты и театральные постановки, научные симпозиумы и конференции). И она действительно стала более привлекательной для свободного, демократического общения.

¹³ Цум. no: Dudek A. Op. cit. S. 151.

¹⁴ Tejchma J. Kulisy dymisji. Z dzienników ministra kultury 1974-1977. Krakow, 1991. S. 152.

¹⁵ Darczewska K. O podstawowych cechach społecznych katolicyzmu w Polsce // Religia i kościół. S. 201, 202.

¹⁶ Jan Paweł II. *Sollicitudo rei socialis*. 44.

На рубеже 70-80-х годов левые осознали, что их главные ценности выросли из христианской традиции. Это сближало их с церковью, которая заполняла в ситуации паралича государственной власти и деформации политической системы освобождавшуюся социальную нишу. Массовое движение трудящихся, порывая с идеологией тоталитарного режима, обратилось, как пишет один из лидеров «Солидарности» Юзеф Пиниор, туда, «где не было контроля государства, – к Церкви и либеральной, эволюционировавшей вправо интеллигенции»¹⁷. Авторитет церкви рос. Духовенство, взявшее на себя роль переговорщика, гаранта компромиссов, социального равновесия, стабилизатора ситуации в условиях социального кризиса, в этой новой функции стало активным фактором общественной жизни и продолжило поиск контактов со светской властью.

¹⁷ Malewski J.,
*Smuga C. Solidarność
dziesięć lat po Sierpniu //*
Imprekor. Montreuil, 1990.
№ 29. S.9, 30.

Партийно-государственное руководство начало встречное движение. Новые законы, гарантирующие свободу совести и вероисповедания, регулирующие отношения государства и церкви, отвечали потребности как политических лидеров, так и церковной иерархии, – избежать социальной нестабильности в стране. Обе эти силы совместно искали политическое решение, способное остановить чреватое кровопролитиями развитие кризиса. 4 ноября 1981 г. первый секретарь ЦК ПОРП, председатель Совета министров В.Ярузельский на встрече с лидером «Солидарности» Л.Валенсой и примасом кардиналом Ю.Глемпом обсуждали создание Совета национального согласия, идею которого благословил и Иоанн Павел II. Однако наметившееся соглашение оказалось недостижимым из-за экстремистской позиции ряда деятелей «Солидарности», оно стало возможным только через несколько лет, в апреле 1989 г. Обострение противостояния привело к введению 13 декабря 1981 г. военного положения. Ситуация в стране была «заморожена» на несколько лет.

Иоанн Павел II, польская католическая иерархия, осуждая насильственную делегализацию «Солидарности» и нарушение основных прав человека, старались не допустить столкновений. Они призывали решать все текущие вопросы методом диалога, несмотря на военное положение. Именно духовенство оптимально представляло в тот момент и различные социальные группы, и всю искавшую выхода из кризиса нацию. Оно смогло объединить разделенное общество, оказывая позитивное организующее воздействие. Использование этих возможностей церкви с перспективой клерикализации населения оказывалось вполне приемлемой платой за снятие чрезвычайной напряженности в обществе.

В.Ярузельский говорил с трибуны сейма, что «сотрудничество между государством и католической церковью, а также другими конфессиями относится к числу постоянных принципов», что власти «искренне заинтересованы в нем». Часть партийного актива, несколько схематизируя социально-политические реалии, готова была посчитать, что при заключении союза трона и алтаря функции партии и

церкви могут быть разделены по принципу: руководящая и направляющая роль – партии, воспитание и мораль, обеспечение послушания и мира – церкви.

В период активизации оппозиции некоторые ее установки были поддержаны Общественным советом при примасе, в частности, в тезисах Совета по социальным проблемам звучали требования «Солидарности» о реприватизации, возврате к многосекторной экономике свободного рынка, демократической трансформации общества. Они ориентировали на достижение социального и национального согласия, беря за основу «согласование действий между государственной властью и представляющими интересы народа социальными группами», к которым были отнесены оппозиционные по отношению к официальной политической системе независимый профсоюз «Солидарность», «Солидарность индивидуальных крестьян», союзы творческой интеллигенции и независимые студенческие организации. Таким образом, в лоне церкви формировалась тенденция, предлагавшая выйти за пределы контактов только с официальной властью, перешагнуть через рамки структур «партии-государства».

Один из партийных идеологов В.Мыслек увидел в этом попытку сломать существующую систему и заменить ее новой «социал-реформистской и синдикалистской» моделью (сведя роль коммунистической партии «в лучшем случае до роли только одного из ее факторов»). Мыслек справедливо обнаружил в этом реальную угрозу существовавшему строю¹⁸. Но в момент противостояния для поисков мирных политических решений авторитет католической иерархии был необходим и с ее рекомендациями следовало считаться. 9 октября 1982 г. В.Ярузельский вновь говорил в сейме о готовности опереться на общую с церковью платформу: «Сегодня мы хотим выбирать из прошлого и настоящего то, что объединяет, а не то, что могло бы разделять. Мы ценим вклад христианства в нашу национальную идентичность и культуру, в этические ценности. Мы уважаем патриотическую позицию польского духовенства в годы войны. ...Для церкви есть достойное место в общественной жизни социалистической Польши»¹⁹. Тем самым были найдены верная тональность базировавшегося на историческом опыте уважения и главный ключ к взаимодействию – опора на общие этические и аксиологические нормы жизни и культуры, на обеспечение прав человека. Это было в высшей степени актуально, поскольку подпольная «Солидарность» в ноябре вновь организовала уличные демонстрации, добиваясь своей легализации.

В 80-е годы, после отмены военного положения, на этапе стабилизации взаимодействие государства и церкви усилилось. Церковь сыграла важную роль в подготовке работы «Круглого стола», начавшей процесс реформ. Это вывело ее в рейтингах популярности на первое место. Однако выигранные «Солидарностью» в мае 1989 г. выборы и дальнейшие демократические перемены качественно изменили ситуацию и уже не требовали от церкви роли заступника оппозиции.

¹⁸ *My sie k W.*

Meandry społecznej doktryny katolicyzmu // Czy Polacy są klerykalni? W-wa, 1988. S. 35-37.

¹⁹ *Cum. no:*

Markiewicz S. Stosunki między państwem a kościołem w okresie stanu wojennego // Mysi katolicka i socjalizm. Polemiki ideologiczne. W-wa, 1983. S. 237.

В трансформировавшейся политической системе начинали действовать другие механизмы.

«Майское законодательство 1989 г.» (декреты правительства М.Раковского об отношениях государства и церкви, а также о гарантиях свободы совести и вероисповедания) базировалось на принципах светского государства, нейтрального в мировоззренческом отношении, на равенстве всех мировоззрений и недопущении какого-либо принуждения в этой области. Теперь в центре юридического урегулирования были не религиозные идеи или церковные институты, а правовая защита человека в религиозно-мировоззренческой сфере.

Законодательное оформление получили институты религиозной опеки со стороны священнослужителей различных конфессий в армии, в больницах и т.д. Религиозным общинам предоставлено право создавать собственные средства массовой информации, церкви гарантирован доступ к государственным радио- и телеканалам для трансляции служб и религиозных, социальных и культурно-просветительных программ.

С начала 90-х годов церковь стала избавляться от ментальности жертвы режима и осмысливать конкретные задачи, связанные с участием в жизни плюралистического общества. 28 июля 1993 г. был подписан (но почти пять лет не ратифицировался Сеймом) конкордат между Ватиканом и Республикой Польша.

В ходе подготовки новой Конституции обсуждалось несколько вариантов статей, предложений и поправок, дабы их трактовка соответствовала принципам правового государства. В центре обсуждения были ключевые понятия и термины: отделение церкви от государства», «автономия» и «независимость» сторон, «светскость» и «нейтральность» государства в мировоззренческих вопросах и т.д. Трактовка этих понятий парламентскими клубами и церковью была различной. Представитель католической церкви ксендз проф. Круковский указывал на то, что политика отделения церкви от государства в предыдущий период носила враждебный церкви характер, нацеливала на подрыв религиозной жизни. Теперь необходимо придать отделению черты позитивного, или дружественного, базирующегося на уважении автономии церкви характера и ее независимости. Католические иерархи демонстрировали, что церковь отнюдь не стремится к тесным отношениям с государством и тем более к подчиненному положению, к превращению в элемент государственных структур. Левые депутаты, со своей стороны, сомневались в правомерности формулы автономности церкви, опасаясь усиления «конфессионализации» общественной жизни в Польше.

Некоторая поляризация отношений возникла в результате трех больших политических дискуссий 1990-1998 гг. по проблемам, связанным с местом церкви и веры в обществе. Эти дискуссии касались введения религии в детские сады и школы, запрета аборт и заключения конкордата с Ватиканом.

²⁰ См.: *Kosciol Katolicki o Konstytucji (Wybrane dokumenty z lat 1947-1991)*. W-wa, 1991.

Католическая церковь неоднократно публично высказывалась по вопросам правовых аспектов взаимоотношений с государством²⁰, подчеркивая, что она не претендует на формулировку правовых формул или конкретных политических решений. Ее сомнения вызывали принципы частного характера религии и светского характера государства, элементы атеизации, государства. Неоднократно повторялся постулат веротерпимости. Обсуждались пропорции «нейтральности» и «беспристрастности», их соотношение с «секуляризацией» во внутренней политике государства, идеологический – левый или либеральный – характер требования мировоззренческой нейтральности государства, проблема приемлемости подобных терминов в Конституции и др.

Большинство членов конституционной комиссии Национального собрания, определив методы правового урегулирования положения церквей (законы, внутривостановые и международные соглашения, конкордат), сумело договориться о конкретных положениях Основного закона – нейтральности государства, его органов и институтов в вопросах мировоззрения, введении принципа равноправия конфессий, независимости и автономии церквей в отношении государства во время исполнения ими религиозной и общественной миссии.

В итоге принятая 2 апреля 1997 г. Конституция РП зафиксировала в преамбуле, в частности: «...мы, Польский Народ – все граждане Речи Посполитой, как верующие в Бога, являющегося источником истины, добра и красоты, так и не разделяющие этой веры, а эти универсальные ценности выводящие из других источников, равны в правах и обязанностях перед общим благом – Польшей,... с чувством ответственности перед Богом или перед собственной совестью, принимаем Конституцию Речи Посполитой...»²¹. Она записала в ст. 25 следующие основополагающие пункты:

²¹ *Konstytucja Rzeczpospolitej Polskiej*. Krakow, 1998. S.5.

«1. Церкви и другие конфессиональные союзы равны перед законом.

2. Публичные власти в Республике Польша сохраняют беспристрастность в вопросах религиозных, мировоззренческих и философских убеждений, обеспечивая свободу их выражения в общественной жизни.

3. Отношения между государством и церквями и другими деноминациями строятся на принципах уважения их автономии, а также взаимной независимости каждого в своей области, равно как и взаимодействия для блага человека и всеобщего добра.

4. Отношения между Республикой Польша и Католической Церковью определяют заключенное с Апостольской Столицей международное соглашение и законы.

5. Отношения между Республикой Польша и другими церквями и деноминациями определяют законы, принятые на основе договоров, заключенных между Советом министров и их соответствующими представителями»²².

²² *Ibid.* S. 7-8.

В подразделе «Личные свободы и права», в ст. 48 и 53 записаны детальные положения, начиная с констатации: «Каждому гарантируется свобода совести и религии». За каждым гражданином признается право выбора вероисповедания и исполнения религиозных обрядов индивидуально или совместно с другими, в храмах и других местах культа в зависимости от потребностей верующих, а также право пользоваться религиозной помощью там, где они находятся. Родители имеют право обеспечивать детям моральное и религиозное воспитание и обучение согласно своим убеждениям и с учетом степени зрелости ребенка, свободы его совести и вероисповедания, а также его убеждений. Любая религия с урегулированной правовой ситуацией «может быть предметом преподавания в школе, причем не может нарушаться свобода совести и вероисповедания других лиц»; «никто не может быть принужден к участию или неучастию к религиозной практике»; обязываем органами власти «обнародовать свое мировоззрение, религиозные убеждения или верования».

Наконец, специальным пунктом ст. 53 защищаются права верующих от административного вмешательства: «5. Свобода проявления религии может быть ограничена только законодательно и только тогда, когда это необходимо для защиты безопасности государства, общественного порядка, здоровья, морали или свободы и прав других лиц»²³.

²³ *Ibid.* S. 11-12.

Так, в прошедшей более чем десятилетний путь глубоких социально-политических и экономических трансформаций и утверждающейся на принципах правового государства, в Польше наступила определенная нормализация отношений государства и церкви. Состав духовенства значительно увеличился²⁴ и почти неизменными остались показатели религиозности польского общества: на рубеже нового века, по-прежнему, более 90% называют себя верующими, более половины из них, по крайней мере, раз в неделю посещают храмы, вторая половина в церкви бывает нерегулярно или даже несколько раз в году, не связывая себя с институтом церкви и критически относясь к нему.

Переходный период принес католической церкви столь богатый, столь и противоречивый политический опыт. Она сразу энергично включилась в перестройку политической системы страны и очень скоро оказалась перед выбором: встать на одну из сторон или остаться над схваткой, выступая в роли арбитра и не рискуя своим авторитетом. В обстановке глубокого кризиса общественного сознания проявились новые идеологические и политические амбиции части духовенства. Институциональная церковь предстала в глазах поляков чрезвычайно мощной, со слишком большим влиянием. Это поставило отношения «церковь – государство» в новые, неожиданные, не для всего общества приемлемые рамки. Критиковались, прежде всего, своего рода «реваншизм», политическая ангажированность духовенства, лоббирование им определенных политических сил.

Наиболее последовательными в критике политических амбиций церкви, в проведении принципа отделения церкви от государства

²⁴ С четвертым визитом Иоанна Павла II в Польшу в 1991 г. связано посвящение рекордного для всего католического мира количества пресвитеров (более тысячи человек по сравнению с 480 в 1971 г.). В 1993 г. число священников достигло 27 тыс. человек (20 тыс. в 1979 г.), а семинаристов – 7,4 тыс. человек (4,1 тыс. в 1971 г.).
Wietrzak Z. SJ.
Kościół Katolicki w Europie Środkowo-Wschodniej.
Kraków.
1997. S. 176-177.

были социал-демократы, записав эту формулу в свою программу с указанием на мировоззренческую нейтральность государства в отношении любых церквей и деноминаций, на желательность сотрудничества государства с церквями «при решении важных социальных проблем».

Радикальные левые из Союза труда разделяют этот подход, подчеркивая, что государство должно уважать церковь, предоставив ей права и привилегии, и взаимодействовать с ней в решении социальных проблем. В постановлении Чрезвычайного конгресса Союза по вопросу ратификации конкордата было подчеркнuto, что и конкордат, и некоторые другие правовые акты недостаточно последовательны в трактовке принципа отделения церкви от государства. При отправлении государственных обязанностей нежелательна манифестация религиозных чувств²⁵. Церковь, включаясь в решение политических проблем, не должна превращать проповеди в политические лекции, что «было необходимо при тоталитаризме, но нехорошо при демократии». В политическую систему в качестве «нормальных участников игры» должны входить не представители духовенства, но христианско-демократические партии²⁶.

В настоящее время клир присутствует на политической арене в неявной форме, как правило, демонстрируя отказ от откровенного политиканства и «беспристрастие». Его линия по форме аполитична, хотя на деле она привносит в политику моральные требования борьбы за справедливость, за соблюдение христианской этики. Духовенство активизируется в период избирательных кампаний, привлекая к ним верующих. Не заявляя открыто о поддержке тех или иных кандидатов в президенты или депутаты, представители духовенства достаточно понятно формулируют свои мировоззренческие и политические предпочтения. Однако это не встречает позитивной реакции у электората, как и высказывания по кандидатурам на тот или иной политический пост, законотворчеству парламента (чего большинство – 52% – не одобряет) и другим фактам текущей политики. В целом, ориентация верующих в политической сфере выглядит так: 50% поляков не связывают свои религиозные убеждения с политическими взглядами и позициями, 18,5% – видят, но очень небольшую, а 12,5% – относительную связь. Только 4% признаются, что их религиозные убеждения существенно влияют на политическую позицию²⁷.

Зато, как свидетельствуют ответы около 90% респондентов, польское население терпимо или позитивно принимает присутствие церкви в обществе: размещение крестов в учреждениях и школах (почти 90%), обучение религии в школах и религиозный характер воинской присяги (более 80%) и т.п. 70% одобряет присутствие священников в теле- и радиопередачах и признает за церковью право высказываться по вопросам морали и обычаев²⁸. На рубеже нового века, как отмечает Михник, «религия, которой обучают в школах, великолепно вписалась в терпимое и демократическое государство. Условием

²⁵ *Biuletyn Informacyjny Unii Pracy*. W-wa. N17. 30.03.1994.

²⁶ *Kedzierski P. Idee nowej lewicy: 16 punktów nowej lewicy + 5 punktów dodatkowych oraz resume dla tych, którzy nie chcą czytać całości*. W-wa, 1998.

S. 19, 20.

²⁷ *Lizut M. Op. cit.*

²⁸ *Ibid.*; *Szawiel T. Op. cit.* S. 130; *Grabowska M. Religijność i Kościół*. S. 176.

этой гармонии между государством и церковью является искусство самоограничения церкви. Школа – это то место, где очень легко спровоцировать конфликты. Наша церковь сознательно этого не делает. Было бы неплохо, если нашлась бы какая-то форма уроков о других религиях»²⁹.

²⁹ *Gazeta Wyborcza*. 26.04.2002.

Негативные проявления трансформирующегося социума – распад социальных связей и рост индивидуализма, пороки общества потребления и др. – находят противодействие именно и, прежде всего, в церковной сфере: в укоренении представлений об обязанностях и ответственности, в гарантиях для ценностей демократии. Церковь нащупывает подходы к созданию институтов гражданского общества. Хотя она имеет мощную инфраструктуру, в добровольных религиозных и церковных организациях еще в середине 90-х годов числом более 150 состояли всего 4% поляков (для сравнения – в США в них входит каждый второй американец, в западных землях Германии – 16% немцев)³⁰. Однако уже существуют локальные сообщества с довольно развитыми сетями организаций гражданского общества, в создании которых существенную роль играет прежде всего церковь. В августе 1994 г. был образован Общепольский совет светских католиков, работающих в СМИ, просветительских, благотворительных и других организациях.

³⁰ *Szawiel T. Op. cit. S. 133; Wietrzak Z. Op. cit. S. 177.*

Церковь активно участвует в пропаганде культурных и демократических ценностей, включается в процесс восстановления и укрепления доверия к национальному государству.

Проведенный польскими социологами анализ привел их к достаточно убедительному выводу, гласящему, что в современной Польше не просматриваются какие-либо предпосылки развития процесса секуляризации в традиционном смысле слова³¹. Еще не заверченный переходный период с огромным количеством нерешенных социальных задач, чреватый сохранением кризиса и не обещающий быстрой, прогрессирующей рационализации общественных отношений, требует мобилизации и поисков баланса социальных и политических сил, рождает разнообразие типов религиозности, сочетаний религиозного содержания и символов с политическими и патриотическими.

³¹ *Grabowska M. Dla gazety // Gazeta Wyborcza*. 10.01.2001.

Внешнеполитические факторы тоже не стимулируют темпов секуляризации в Польше. В Европейском союзе интеграция не предусматривает введения единой модели отношений церкви и государства, не навязывает ни дружественного размежевания, ни относительной унификации, но защищает при помощи европейского права любую из них.

Рост значимости национальной, локальной идентичности увеличивает роль укорененности такой идентичности в традициях, в том числе в, по-прежнему, востребованной религии. Польская католическая церковь обретает в этой ситуации новое дыхание.